

Ислам, исламизм и экстремизм

DOI: 10.31857/S032150750017090-1

Оригинальная статья / Original article

Перспективы глобального джихадизма в Юго-Восточной Азии

© Жерлицына Н.А.^а, 2021

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8647-9419; ns_inafr@mail.ru

Резюме. В статье рассматриваются взаимоотношения местных и глобальных радикальных исламистских движений в странах Юго-Восточной Азии: Индонезии, Малайзии и Филиппинах.

Автор ставил задачу определить причины привлекательности для местного населения в отдаленных регионах мира риторики современных глобальных джихадистских движений. Исследование показало, что идеология джихадизма базируется на возврате к идентичности, основным полюсом которой является религия. Рассмотрев истоки радикальных исламистских движений в Индонезии, Малайзии и Филиппинах, автор пришел к выводу, что толчком для их развития послужила Афганская война.

Цель данного исследования - найти общие и отличительные характеристики ситуации с исламистским радикализмом в каждой из этих стран региона, который можно рассматривать как альтернативный центр джихада, а не как периферию глобальной арены. Анализируя ситуацию в Индонезии, автор заключает, что приоритетом для локальных групп являются местные цели, а вопрос вооруженного джихада раскол индонезийское исламистское движение на умеренное и радикальное крыло, связанное с «Аль-Каидой» и ИГИЛ. В статье прослеживается эволюция светской власти в Малайзии к институционализации политического ислама, начиная с 1970-х гг.

Автор утверждает, что «гонка исламизации» в Малайзии привела к тому, что современные религиозный и этнический дискурс страны, в целом, были подготовлены для восприятия идеологии радикалов, когда ИГИЛ появилось в регионе. Автором установлено, что джихадистские движения на Филиппинах мотивированы сепаратистским конфликтом, они преследуют местные цели и используют риторику глобального джихада для стимулирования борьбы и запугивания противников.

Ключевые слова: международный терроризм, Юго-Восточная Азия, Индонезия, Малайзия, Филиппины, политический ислам, «Аль-Каида», ИГИЛ

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Жерлицына Н.А. Перспективы глобального джихадизма в Юго-Восточной Азии. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 10. С. 46-54. DOI: 10.31857/S032150750017090-1

Prospects for global jihadism in Southeast Asia

© Natalia A. Zherlitsyna^а, 2021

^а Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8647-9419; ns_inafr@mail.ru

Abstract. The article examines the relationship between local and global radical Islamist movements in the countries of Southeast Asia: Indonesia, Malaysia and the Philippines. The author set out to determine the reasons for the attractiveness of the rhetoric of modern global jihadist movements for the local population in remote regions of the world.

The study showed that the ideology of jihadism is based on a return to identity, the main pole of which is religion. After examining the origins of radical Islamist movements in Indonesia, Malaysia, and the Philippines, the author concluded that the Afghan War was the impetus for their development. The purpose of this study is to find common and distinctive characteristics of the situation with Islamist radicalism in each of the countries of the region.

Analyzing the situation in Indonesia, the author concludes that the priority for local groups is local goals, and the issue of armed jihad has split the Indonesian Islamist movement into a moderate and radical wing associated with Al-Qaeda and ISIS. The article traces the evolution of secular power in Malaysia to the institutionalization of political Islam, starting in the 1970s.

The author argues that the growth of the Islamization in Malaysia led to the fact that the modern religious and ethnic discourse of the country as a whole was prepared for the perception of the ideology of radicals when ISIS appeared in the region. The author found that the jihadist movements in the Philippines are motivated by the separatist conflict, they pursue local goals and use the rhetoric of global jihad to stimulate the struggle and intimidate opponents.

Keywords: international terrorism, Southeast Asia, Indonesia, Malaysia, Philippines, political Islam, Al-Qaeda, ISIS

For citation: Zherlitsyna N.A. Prospects for global jihadism in Southeast Asia. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 10. Pp. 46-54. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750017090-1

ВВЕДЕНИЕ

Транснациональный терроризм, в силу своей глобальной природы, несет гораздо более высокий уровень угроз по сравнению с обычным. Локальные воинствующие группы исламистской ориентации также могут быть интернационализированы в определенной степени с точки зрения логистики, тактики и идеологии, но их повестка дня по-прежнему определяется чувством местной миссии, которая не бросает вызов международной системе как таковой. Напротив, транснациональный терроризм, движимый «Аль-Каидой» и ИГИЛ, характеризуется двумя отличительными чертами.

Во-первых, его цели выходят за рамки международной системы национальных государств и, во-вторых, он представляет собой новую организационную форму. Поскольку ИГИЛ в последние годы утратил позиции в Сирии, Ираке и Ливии, а «Аль-Каида» перегруппировывается, актуальным становится вопрос о перспективах переноса джихадизма в периферийные регионы. Представляется важным понять, насколько локальные конфликты, в которые ввязываются глобальные радикальные группировки, способствуют локализации идеи джихада.

Воинствующий исламистский радикализм является сложным социально-политическим явлением, объединяющим местную, транснациональную и региональную историческую динамику под эгидой джихада. Он - часть более широкой динамики борьбы за власть, уходящей корнями в историю антиколониальной борьбы мусульманских народов Азии и Африки. Начиная с антифранцузского сопротивления 1830-х гг. в Алжире под руководством Абд аль-Кадра и продолжая антиколониальными мятежами в Египте, Индии или Индонезии, сопротивление иностранному правлению или интервенции часто формулировались в терминах джихада. «Аль-Каида» и ИГИЛ уверенно используют антиколониальный дискурс в своей современной идеологии, оправдывая в религиозных терминах атаки на «дальнего врага» борьбой против оккупации, вмешательства и унижения.

Привлекательная для местного населения в отдаленных регионах мира риторика современных джихадистских движений базируется на возврате к идентичности, основной полюс которой - религия. Ядро идеологии и политической задачи «Аль-Каиды» и ИГИЛ - утверждение суннитской идентичности над шиизмом. Глобальный исламистский радикализм продвигает мировоззрение, которое одновременно реагирует на кризис религиозной идентичности на Ближнем Востоке, межконфессиональную борьбу, разочарование в системе национального государства, растущий нигилизм, связанный с очевидным крахом ценностей западной демократии и терпимости, и чувством социально-экономической несправедливости.

Джихад сегодня базируется по большей части за пределами Ближнего Востока, и мусульманские страны Юго-Восточной Азии становятся новым центром глобального исламистского террора. Только мусульманское население Индонезии составляет 12,7% мирового мусульманского населения. Если прибавить число мусульман, проживающих на юге Филиппин, в Малайзии, на юге Таиланда и Сингапуре, эта цифра возрастает примерно до 15%. Регионы Юго-Восточной Азии с мусульманским большинством, в частности Индонезия и южные Филиппины, породили джихадистов и стали аренами джихада. Таким образом, было бы более правильным рассматривать мусульманскую Юго-Восточную Азию как альтернативный центр джихада, а не как периферию глобальной арены. Таким образом, изучение местного контекста становится важным для понимания динамики стратегического продвижения глобального джихадизма в регионе.

Существуют важные характеристики угроз, с которыми сталкивается каждая страна в регионе, а также важные взаимосвязи, которые связывают их воедино. Отправной точкой возникновения международного терроризма как явления стала Афганская война (1979-1989), когда как ответ на введение в эту страну советских войск произошел наплыв туда иностранных боевиков со всего исламского мира, в т.ч. и из Юго-Восточной Азии.

ИНДОНЕЗИЯ: СУННИТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРИМАТ МЕСТНЫХ ЦЕЛЕЙ

Около 350 индонезийцев примкнули к исламистским боевикам в Афганистане в 1980-1989 гг., породив целое поколение основателей, лидеров и активистов одиозных радикальных организаций в Индонезии, таких, как «Джемаа Исламия», «Моджахедин КОМПАК», «Ласкар Джихад», «Ласкар Джундулла» (также известный как «Корпус Пемуда Ислам»). Из 350 индонезийцев, отправившихся в Афганистан, около 200 были выходцами из движения «Дарул Ислам», что говорит об организованном характере переправки боевиков в Афганистан [1, p. 127]. Во главе этого движения стояли два лидера «Дарул Ислама» - имамы Абдулла

Сунгкар и Абу Бакар Баашир, неоднократно подвергавшиеся арестам на родине за критику светского характера государственной идеологии Индонезии.

В период с 1985 по 1991 гг. они отправили 10 групп боевиков, среди которых сначала преобладали хорошо образованные студенты, владеющие английским или арабским языком [2, р. 279]. Этим первым индонезийских добровольцев обучали афганцы, пакистанцы и арабы. Затем учебные материалы были переведены на индонезийский язык и впоследствии боевики из первых групп стали инструкторами для тех индонезийцев, которые присоединились к афганскому джихаду позднее. Таким образом, для Сунгкара и Баашира основная мотивация при установлении связей с руководством афганского джихада и для отправки туда индонезийцев была, в конечном счете, местной.

Сунгкар и Баашир посылали индонезийских добровольцев не воевать в Афганистане, а проходить военную подготовку. В основе их взглядов лежало убеждение, что шариат и исламское управление не могут быть внедрены в Индонезии мирными средствами. Получение военной подготовки и опыта индонезийскими боевиками в Афганистане стало ключевой целью. Индонезийские добровольцы проходили обучение по «учебной» программе, включающей военные предметы - такие как тактика, чтение карт и навигация, изучение типов вооружений и полевой инженерии, а также использование мин, взрывчатых веществ и бомб. Некоторые из них были отобраны для дальнейшего обучения ремонту оружия и боеприпасов, стрельбе, электронике и подготовке химических веществ для изготовления взрывчатых веществ и ядов. Как правило, индонезийские «студенты» не участвовали в боевых действиях на передовой, их берегли для будущих сражений в Индонезии.

Афганский период важен для индонезийского джихада и тем, что именно тогда были установлены широкие международные связи, например, члены «Дарул Ислам» начали сотрудничать с египетской исламистской военизированной группировкой «Аль-Гама Аль-Исламия». Целью таких контактов было извлечение полезного опыта, заимствование из идеи глобального джихада всего, что могло помочь индонезийским радикалам в продвижении к местной или региональной цели. Отношения, построенные в афганских тренировочных лагерях, позволили индонезийским исламистским группировкам боевиков установить связи с другими исламистскими экстремистскими группировками в Юго-Восточной Азии, которые также имели афганских ветеранов в качестве основателей или ведущих членов. В их число входили «Кумпуланские моджахеды Малайзии» и группа Абу Сайяфа на Филиппинах.

Ближайшим последствием участия индонезийских боевиков в афганском джихаде стало появление в Индонезии целого спектра значительных исламистских группировок, которыми руководили ветераны Афганистана. Примечательно, что каждая из этих вновь созданных групп преследовала, в первую очередь, местные цели - возрождение шариата в Индонезии, защита мусульман в Индонезии, введение исламского управления в Индонезии и, в конечном счете, создание исламского государства в Индонезии.

Исходя из этого приоритета - борьбы с «ближним врагом», т.е. правительством Индонезии, - строились отношения «Джемаа Исламия», созданной Сунгкарсом и Бааширом в январе 1993 г., с авангардом мирового глобального джихадизма «Аль-Каидой».

Пик сотрудничества двух организаций пришелся на период с 1999 по 2003 гг., когда «Аль-Каида» помогла «Джемаа Исламия» создавать тренировочные лагеря на островах Серам и Буру [3, р. 26]. Но «Джемаа Исламия» оставалась автономной организацией, она никогда не присягала Усаме бен Ладену и не подчинялась «Аль-Каиде». Особенно четко разрыв между местными целями «Джемаа Исламия» и глобальной повесткой «Аль-Каиды» проявился в 2003-2005 гг., после серии взрывов, направленной на «западные» цели в Индонезии: отель «Марриотт», посольство Австралии и на туристический о-в Бали. Ответственность за них взяла на себя «Аль-Каида», она действовала при содействии глобально ориентированного крыла «Джемаа Исламия» под руководством Нурдина М.Топа, или Азхари Хусина.

Руководство «Джемаа Исламия» провело четкую грань между своей деятельностью и деятельностью крыла, выступающего за глобальную повестку. Еще в 2004 г. оно разрешило своим членам информировать власти, если им известно о местонахождении Топа и Хусина, в 2005 г. это крыло откололось от основной организации, назвав себя «Аль-Каидой на Малайском архипелаге», а затем «Аль-Каидой в Индонезии» [4, р. 21]. Таким образом, индонезийское радикальное движение не имело единства в вопросе вооруженного джихада, большинство считало его контрпродуктивным, поскольку он отчуждал местных мусульман, поддержка которых была необходима для создания в будущем исламского государства.

Новый толчок к развитию джихадистского движения в Индонезии дал Сирийский кризис. По оценкам индонезийского правительства, около 800 индонезийцев отправились в Сирию и Ирак в период с 2012 по

2018 гг. [5] Точно так же, как индонезийцы, отправившиеся в Афганистан в середине 1980-х гг., они были мотивированы сочетанием глобальных и местных факторов.

Подобно афганскому джихаду, сирийский джихад рассматривался индонезийскими мусульманами как справедливая война, в которой они должны были защищать своих единоверцев от смертельной угрозы и притеснений. Особенно увеличился поток индонезийцев, желающих уехать в Сирию, после объявления о создании халифата ИГИЛ в 2014 г. Целые семьи направлялись на Ближний Восток, чтобы начать новую жизнь в халифате. Эти индонезийцы часто брали с собой всех своих многочисленных родственников. Они решили навсегда покинуть Индонезию, поскольку пришли к выводу, что исламское государство в Индонезии невозможно.

Привлекательность сирийского джихада для индонезийских мусульман объяснялась несколькими факторами, сочетавшими в себе как внутренние, так и глобальные аспекты. Если в самой Индонезии легитимность вооруженного джихада подвергалась большим сомнениям даже самими радикалами, приведя к расколу, то война в Сирии предоставила мусульманам возможность выполнить свои религиозные обязательства по джихаду немедленно и независимо от продолжающихся дебатов о джихаде в Индонезии.

Кроме того, сектантский аспект сирийского конфликта находил глубокий отклик у суннитов Индонезии, осуждавших тех, кого они считали еретиками, будь то шииты на Ближнем Востоке или община Ахмадия в Индонезии. Шииты, которых насчитывается в Индонезии до 1 млн, рассматривались как особенно угрожающие, поскольку существовали подозрения, что они пользовались поддержкой со стороны Ирана и даже имели план захвата Индонезии в период с 2018 по 2020 гг., как писала местная пресса¹.

Когда ИГИЛ появилось на Ближнем Востоке в 2013 г., индонезийское джихадистское движение было расколото и втянуто в дебаты о легитимности и эффективности вооруженного джихада. Сирийский конфликт подпитывал эти разногласия, и поддержка или противодействие ИГИЛ стали частью местной конкуренции между индонезийскими джихадистами. Это позволило ИГИЛ внедриться в существующие индонезийские сети, такие как «Джемаа Аншарут Таухид», «Моджахедин Индонезия Тимур». Инициатором объединения порядка 20 индонезийских радикальных организаций под знаменем ИГИЛ стал местный религиозный деятель Аман Абдуррахман, до этого принимавший активное участие в сепаратистском движении в провинции Ачех. В 2015 г. новое объединение «Джемаа Аншарут Даула» присягнуло на верность тогдашнему лидеру ИГИЛ Абу Бакру аль-Багдади. Именно с деятельностью этой руководимой ИГИЛ организации связаны многочисленные теракты в 2016-2021 гг. в Индонезии².

Правительство Индонезии в борьбе с экстремистами использует сочетание силовых, законодательных и социальных мер [6, с. 8]. В период с 2015 по 2020 гг. было арестовано более 1100 подозреваемых в терроризме. С 2015 г. значительно ужесточились условия для индонезийцев, желавших выехать на Ближний Восток для джихада и присоединения к халифату ИГИЛ. Индонезийская полиция арестовала тех, кто содействовал поездке, и усилила наблюдение в аэропортах и на границах. Более того, те немногие, кому удалось уехать, часто добирались только до Турции, где их затем задерживали и депортировали обратно в Индонезию. Правительство поощряет программы социального обеспечения, дерадикализации и реабилитации экстремистов. Об осторожности подхода властей и нежелании огульно применять запретительные меры свидетельствует тот факт, что «Джемаа Аншарут Даула», связанная с ИГИЛ и запятнавшая себя насилием в стране, в 2018 г. была объявлена вне закона, а «Джемаа Исламия», например, никогда не запрещалась в Индонезии.

Обнадеживающе выглядят и результаты изучения общественного мнения в Индонезии. Мусульманская община, в лице индонезийской исламской организации «Нахдлятул Улама», объединяющей более 50 млн единоверцев, единодушна в осуждении деятельности ИГИЛ. Опросы общественного мнения также демонстрируют осуждение идеологии радикализма: 92,9% индонезийских респондентов заявили, что сторонникам ИГИЛ не следует разрешать жить в Индонезии, а 74% считают ИГИЛ главной угрозой глобальной безопасности страны³.

МАЛАЙЗИЯ: ГОНКА ИСЛАМИЗАЦИИ

Мусульмане составляют большинство населения Малайзии, и они не имеют претензий к национальным меньшинствам, исламские политические партии и действующие лица допускаются в правительство.

¹ Syiah sesat akan revolusi di Indonesia dalam rentang 2018-2020. *Waislamanet*. 26 April 2015. <http://waislamanet.wordpress.com/2015/04/26/syiah-sesat-akan-revolusi-di-Indonesia-dalam-rentang-2018-2020/> (accessed 10.05.2021)

² Indonesia: Extremism and Terrorism. *Counter extremism project*. <https://www.counterextremism.com/countries/indonesia> (accessed 12.04.2021)

³ Ibidem.

Современное национальное государство Малайзия родилось в 1957 г. с преимущественно светским правительством, применявшим законы шариата к вопросам обычаев. Несмотря на умеренное применение шариата, исламское возрождение начало укореняться в Малайзии в конце 1970-х гг., и эта тенденция продолжалась на протяжении последующих десятилетий. Хотя отчасти это было результатом усилий малайзийских политиков, стремившихся разыграть «исламскую карту» для получения и удержания политической власти, но в значительной мере рост исламского экстремизма в то время был связан с международными событиями, которые затронули мусульманские общины во всем мире, включая Иранскую революцию 1979 г., ввод советского контингента в Афганистан, осаду Большой мечети в Мекке в 1979 г., продолжавшийся арабо-израильский конфликт и растущее влияние некоторых стран Ближнего Востока, учитывая их богатые запасы нефти.

Исламистские движения в Малайзии начали возникать в 1980 и 1990-х гг., особенно эта тенденция затронула вузы. Ассоциация мусульманских студентов Юго-Восточной Азии, Индонезийский студенческий союз и Исламская Международная федерация студенческих организаций стали платформами для борьбы за права мусульман как на национальном, так и на международном уровнях. Эти движения вдохновлялись ближневосточными и южноазиатскими партиями и идеологами, в первую очередь Ассоциацией «Братья-мусульмане» и «Джамаат-и-Ислами».

Воздействие на малайзийских мусульман экстремистской идеологии объясняется как международной конъюнктурой, так и свободным распространением внутри страны, но не внутренними противоречиями. Как и правительство Индонезии, правительство Малайзии еще менее охотно объявляло вне закона исламистские группы, не связанные непосредственно с насилием, но придерживавшихся экстремистских взглядов. Кроме того, значительное число радикальных иностранных идеологов, проповедников и финансистов из региона и вне его продолжали посещать Малайзию, а несколько сотен малайзийских студентов обучались в пропагандирующих радикализм учебных заведениях как в регионе, так и на Ближнем Востоке. По мере того, как в соседних странах, например, Индонезии, партии исламистской направленности и их лидеры притеснялись, они находили в Малайзии безопасное убежище. В дальнейшем страна стала использоваться экстремистами как база для операций в регионе.

Как и в Индонезии, в Малайзии толчком для появления в стране радикальных исламистских группировок стало участие малайзийцев в афганском джихаде. Так, в 1995 г. Зайнон Исмаил, бывший афганский моджахед, основал организацию «Кумпуланские моджахеды Малайзии», которая ставила целью свергнуть правительство Малайзии и создать исламское государство, а затем исламский халифат в Юго-Восточной Азии. В 1999 г. Зайнона Исмаила сменил сын лидера «Исламской партии Малайзии» (PAS), организации, близкой к «Братьям-мусульманам», Ник Адли Ник Абдул Азиз. И Ник, и его преемник Зулькифли также воевали в Афганистане. «Кумпуланские моджахеды Малайзии» практиковали насилие, доказана их причастность ко взрывам церквей и индуистских храмов, грабежам и убийствам политических деятелей, заговору с целью убийства американских моряков⁴.

Экстремистская организация «Джемаа Исламия» (JI), образованная в Малайзии в 1993 г. изгнанным в тот период из Индонезии имамом Абдуллой Сунгаром, имела транснациональный характер и действовала во всем регионе, используя Малайзию в качестве базы. Она оказала значительное влияние на исламистскую среду в Малайзии. Организация имела ту же цель - создание исламского государства в Малайзии посредством джихада. После того, как «Джемаа Исламия» вступила в контакт с «Аль-Каидой», ее амбиции возросли, и она стала стремиться к созданию панисламского государства в Юго-Восточной Азии. «Джемаа Исламия» оказывала влияние на мусульман по всему региону, тем не менее, поскольку она выступала за политику отказа от нападений на малайзийские цели, как из соображений целесообразности, так и из-за большей терпимости к позициям исламского правительства, группе было разрешено относительно свободно действовать до конца 2001 г.

До 11 сентября 2001 г. исламистские экстремисты действовали в Малайзии относительно свободно. Малайзия была оперативным центром, где лидеры и оперативники «Аль-Каиды» встречались, проходили обучение, инвестировали и получали медицинскую помощь. В Малайзии «Аль-Каида» делала первые шаги по проникновению во всемирную сеть Интернет: первый веб-сайт организации был зарегистрирован именно здесь [7, с. 149]. Малайзия оказалась местом, где «Аль-Каида» провела свое последнее совещание по планированию атаки 11 сентября [8, р. 9].

⁴ Helfstein S. Radical Islamic Ideology in Southeast Asia. *The Combating Terrorism Center at West Point*. 2009. 117 p. <https://css.ethz.ch/en/services/digital-library/publications/publication.html/104059> (accessed 03.05.2021)

Только после терактов 11 сентября 2001 г. малайзийские власти предприняли шаги по противодействию росту идеологического экстремизма, серьезным репрессиям подверглись не только «Кумпуланские моджахеды Малайзии», но и «Джемаа Исламия» и «Аль-Каида». Но общего направления политического курса, направленного на исламизацию страны, это не изменило. Правящий режим в Малайзии фактически позволил постепенно формироваться климату большей религиозной нетерпимости на протяжении многих лет, и именно в этом контексте экстремистские идеи и взгляды стали основными в Малайзии. Внутренний контекст исламизации в Малайзии уже давно определяется политической конкуренцией между партией Объединенная малайзийская национальная организация (*UMNO*) и «Исламской партии Малайзии» (*PAS*). Первая из них была правящей партией с момента получения страной независимости в течении нескольких десятилетий. Вторая, как уже упоминалась, идеологически близка международной Ассоциации «Братья-мусульмане».

И *UMNO*, и *PAS* считали мусульманский электорат своей базой поддержки и делали все для усиления значимости ислама для малайзийской идентичности и политики. Так, *PAS* приняла внутри партии структуру руководства улемов в иранском стиле и усилила призыв к провозглашению исламского государства, а также к осуществлению исламского уголовного права. Для *PAS* эта новая форма правления подразумевала, что «высшая святость, авторитет и моральная легитимность государства основываются на его приверженности исламским законам и нормам» [9, p. 201].

UMNO ответила на новую исламистскую повестку дня *PAS* тем, что осуществила собственную программу исламизации, которая оказала влияние на политическую, экономическую и социальную сферы малайзийского государства. Например, администрация Махатхира Мохамеда, премьер-министра в 1981-2003 гг., осуществила крупномасштабное расширение религиозной бюрократии. Альянс *UMNO* с салафитскими улемами способствовал институционализации нетерпимости последних к демократии, отказу от секуляризма и поддержку исключительной концепции мусульманской общины в Малайзии, поскольку теперь они могли получить доступ в различные правительственные учреждения.

В сфере образования изучение ислама стало обязательным для студентов всех уровней образования, и правительство Малайзии поддержало создание международного исламского университета. В экономической сфере исламские банки и финансовые учреждения получили решительную поддержку со стороны правительства [10, с. 43]. Возможно, одним из наиболее значительных шагов, предпринятых администрацией Махатхира, стало расширение роли шариатских судов, которые теперь уполномочены рассматривать дела личного права, касающиеся мусульман. Некоторые современные специалисты считают, что в результате такой «гонки исламизации» в Малайзии произошло слияние этнической идентичности с религиозной идентичностью, а суннитский ислам стал неделимым ключевым элементом малайзийской этнической идентичности [11, p. 105].

Таким образом, ко времени возникновения ИГИЛ на Ближнем Востоке современные религиозный и этнический дискурс Малайзии в целом были подготовлены для восприятия идеологии экстремистов. По данным соцопросов в 2015 г. 11% мусульманского населения Малайзии положительно относилось к ИГИЛ [12, p. 5]. С одной стороны, это можно считать лишь небольшой частью всего населения Малайзии. С другой стороны, этот процент является вторым по величине в мире после Нигерии. Для страны, которая заявляет о приверженности принципам демократии и светскости, это число было истолковано как сигнал о росте экстремизма и религиозной нетерпимости на низовом уровне.

Неудивительно, что с начала гражданской войны в Сирии в 2011 г. примерно от 100 до 150 граждан Малайзии отправились в Сирию в одиночку или семьями, и более 300 человек были арестованы за то, что они якобы сочувствовали ИГИЛ. Это означает, что они распространяли пропаганду ИГИЛ или выражали поддержку этой группе [13]. Мотивами малайзийцев при присоединении к боевикам ИГИЛ на Ближнем Востоке были возможность исполнить религиозный долг путем джихада, возможность жить в халифате под законной исламской властью халифа. Они верили, что халифат ИГИЛ предлагает им благочестивую жизнь, которая увеличит их шансы на вознаграждение в загробной жизни.

После разгрома ИГИЛ 41 малайзиец подал заявление о возвращении в Малайзию [14, p. 207]. Правительство страны применяет очень жесткий подход к оценке террористов, подавших заявления о возвращении домой. Власти Малайзии разработали схему, которая сочетает в себе применение правосудия в соответствии с законом в виде тюремного заключения за участие в террористической деятельности с многогранной программой оказания помощи возвращенцам в их реинтеграции в общество.

ФИЛИППИНЫ: МЕСТНЫЙ СЕПАРАТИЗМ И СЛАБОСТЬ ВЛАСТИ В АВТОНОМИИ

Уязвимость Филиппин перед радикализмом обусловлена наличием этно-национального сепаратистского конфликта. Хотя в этой преимущественно христианской стране мусульмане составляют всего 5% населения и проживают преимущественно на о. Минданао в районе Бангсаморо, но вот уже 50 лет длится противостояние в ответ как на реальную, так и на предполагаемую дискриминацию филиппинских мусульман правительством большинства христианского населения. Изучение сепаратистских корней конфликта показывает, что они в значительной степени носят местный характер. Конфликт в Минданао и насилие, развязанное сепаратистскими группировками, были вызваны сложным сочетанием вопросов идентичности, этнического и кланового соперничества и постколониального наследия.

Мятеж мусульманских повстанцев в районе Бангсаморо вспыхнул в 1970-х гг., его возглавило партизанское движение «Национально-освободительный фронт моро» (*MNLF*). Широкомасштабные боевые действия длились с 1972 по 1976 гг., и лишь через 13 лет - в 1989 г. - правительство согласилось на образование Автономного района Мусульманского Минданао, региона, в котором проживает 61% филиппинского мусульманского населения⁵.

К моменту подписания Филиппинами и *MNLF* в 1996 г. окончательного мирного соглашения, которое расширило автономный район, *MNLF* уже раскололась по этническому принципу. Из его состава вышли радикалы, образовав «Исламский освободительный фронт моро». В настоящее время урегулирование конфликта на Минданао зависит от выполнения Всеобъемлющего соглашения по Бангсаморо 2014 г., которое призвано окончательно разрешить вопрос.

Насильственная обстановка, поддерживаемая на Филиппинах этим сложным сепаратистским конфликтом, служила почвой для возникновения и роста различного толка радикальных исламистских групп и движений. Многие мусульмане рассматривали конфликт как повод для законного джихада, в то же время джихад в значительной степени служил созданию общей моро-мусульманской идентичности.

До 1990-х гг. мятежи и терроризм на Филиппинах носили, в основном, местный или региональный характер. Связи между различными террористическими и повстанческими группами были относительно слабыми, и большинство групп традиционно действовали только в своем регионе, сосредоточив внимание на внутренних проблемах и недовольстве. Исламские повстанческие группы на Филиппинах в 1970 и 1980-х гг. были ограничены в основном мусульманскими регионами Минданао, где они вели сепаратистскую кампанию против центрального правительства.

Все изменилось в 1990 гг., когда в регионе появились вдохновленные религией транснациональные повстанческие и террористические группы. Вместо того чтобы сосредоточиться на свержении светских правительств в регионе, они работали над созданием наднационального исламского государства, управляемого законами шариата. С 1990-х гг. Филиппины столкнулись с многочисленными угрозами со стороны повстанческих и террористических организаций, которые процветали в неподконтрольных регионах.

Минданао, второй по величине остров на Филиппинах, служил убежищем для транснациональных террористических группировок, включая «Аль-Каиду», «Джемаа Исламия», а затем и ИГИЛ. Пористый островной регион архипелага Сулу, простирающийся от Малайзии и Индонезии, где преобладает мусульманское население, создает вакуум безопасности, который джихадистские группы используют различными способами: для перемещения персонала и оборудования, для вербовки боевиков [15, p. 19].

Одна из первых группировок, базирующихся на Филиппинах, которая объявила о приверженности глобальному джихаду. - Группа Абу Сайяф. Как и в случае с индонезийскими и малайзийскими джихадистскими группами, происхождение Группы восходит ко времени афганской войны. Среди сотен филиппинских мусульман, отправившихся воевать в Афганистан, был и Абдураджак Абубакар Джанджалани, представитель этнической группы *таусог* с острова Басилан, член *MNLF*.

Встреча с Усамой бен Ладеном в 1987 г. повлияла на взгляды филиппинца, отныне он взял на себя обязательство вести джихад у себя дома в Минданао, чтобы создать «чистое» исламское государство, основанное на салафитском ваххабизме [16, p. 42]. В 1991 г. Джанджалани и 7 его последователей вышли из *MNLF*, чтобы основать Группу Абу Сайяф. Группа пользовалась финансовой и технической поддержкой из иностранных источников, включая «Аль-Каиду», что помогло укрепить ее потенциал.

⁵ Heydarian R.J. Crisis in Mindanao. *Aljazeera Centre for Studies*. August 6 2017. http://studies.aljazeera.net/mritems/Documents/2017/8/6/b03ba3f98f124b4ca3aa27b08d2740f1_100.pdf (accessed 06.05.2021)

Группа Абу Сайяф не только стремится к созданию независимого мусульманского государства на юге Филиппин, но и выступает за избавление Сулу и Минданао от всех немусульман, если это необходимо, силой. Группа придерживается той интерпретации ислама, которая оправдывает убийство неверных и лишение их имущества. Соответственно, она практикует различные виды преступной деятельности, включая похищение людей с целью получения выкупа, убийства, захват заложников, вымогательство у крестьян, бизнесменов и рыбаков, выращивание марихуаны и изнасилования.

Группа Абу Сайяф, в отличие от *MNLF* и «Исламского освободительного фронта моро», отвергает любую перспективу переговоров о мирном урегулировании конфликта на Минданао с правительством Филиппин. После нескольких лет sporadических стычек Группа неуклонно завоевывала репутацию авангарда джихадистского интернационализма на Филиппинах. Пик ее интеграции с «Аль-Каидой» пришелся на 1995 г., когда филиппинская полиция сорвала т.н. заговор «Божинка» с целью убийства Папы Иоанна II и размещения бомб в 11 авиалайнерах, следовавших в США [17, p. 235].

В 2014 г. Группа Абу Сайяф вместе с еще несколькими джихадистскими группировками на Минданао присягнули на верность ИГИЛ. Иснилон Хапилон, лидер Абу Сайяф, взял на себя руководство этими группами в качестве эмира предполагаемой вилайи или мухафазы в Юго-Восточной Азии. ИГИЛ предоставляло финансирование и поощряло иностранных боевиков приезжать в Минданао, чтобы помочь создать независимое Исламское государство. Эти бойцы принесли с собой новую тактику и методы войны, которым они научились в Ираке и Сирии.

Бренд ИГИЛ используется не только джихадистскими группировками, но и влиятельными на Минданао семейными кланами, которые имеют свои частные вооруженные группы. Причина такого явления - слабое присутствие филиппинского государства на Минданао, отсутствие управления, которое по умолчанию уступает власть тем, кто может использовать больше оружия, - кланам. Эти влиятельные семьи используют бренд ИГИЛ для того, чтобы узаконить свои преступные действия и запугать врагов.

Примером такого рода «слияния» местных и глобальных трендов стала группа Мауте, привлекавшая международное внимание в ноябре 2016 г. вооруженным противостоянием с другим местным кланом - Пансара⁶. В мае 2017 г. имя этого клана, как подразделения ИГИЛ, упоминалось еще раз в связи с битвой за Марави - городом в провинции Южный Ланао. Боевые действия вспыхнули в Марави после попытки правительственных войск захватить лидера Абу Сайяф Хапилона на квартире в Марави. Попытка сорвалась, когда на поддержку боевикам Абу Сайяф пришли бойцы Мауте. Правительству потребовалось 5 месяцев, чтобы объявить об окончании боевых действий. Битва за Марави стала самым продолжительным городским сражением в истории страны, причем большая часть города была разрушена [18, с. 23].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в последние десятилетия Юго-Восточная Азия стала объектом многочисленных террористических нападений, но характер и мотивация этих нападений сильно различаются. Причины атак коренятся как в национальной или региональной этнической борьбе, так и отражают более грандиозные амбиции салафитов-джихадистов по созданию регионального или глобального халифата.

Экстремисты Юго-Восточной Азии используют риторику глобального джихада, но их приоритетом остаются местные цели. Их основная цель - захватить государство у себя дома. Джихадисты Юго-Восточной Азии охотно получают материальную и идеологическую поддержку от «Аль-Каиды» и ИГИЛ, но зачастую идеология джихада не имеет прямого отношения к местным конфликтам и служит лишь для подпитки местной динамики и запугивания врагов. Мятежи против действующих режимов мотивируются местным недовольством, и поэтому решения могут быть найдены только внутри каждой из стран региона.

Глокализация джихада бросает вызов более широким представлениям, в соответствии с которыми глобальный джихад, оторванный от любой национальной социально-политической динамики и воплощенный транснациональными террористическими организациями, такими как «Аль-Каида» и ИГИЛ, преследует мусульманский мир.

⁶ Rommel C. Banlaoi. The Maute Group and Rise of Family Terrorism. *Rappler*. June 15, 2017. <http://www.rappler.com/thought-leaders/173037-maute-group-rise-family-terrorism> (accessed 13.04.2021)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Solahudin. 2013. *The Roots of Terrorism in Indonesia: From Darul Islam to Jemaah Islamiyah*. Sydney: New South Publishing, University of New South Wales Press. 257 p.
2. Chernow Hwang J. 2015. The disengagement of Indonesian jihadists: understanding the pathways. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 29. № 2. Pp. 277-295.
3. Abuza Z. 2007. *Political Islam and Violence in Indonesia*. London and New York, Routledge. 180 p. DOI: 10.4324/9780203969250
4. Chernow Hwang J. 2019. Dakwah before jihad: understanding the behaviour of Jemaah Islamiyah. *Contemporary Southeast Asia*. Vol. 41. № 1. Pp. 14-34. DOI: 10.1355/cs41-1b
5. Arianti V., Muh Taufiqurrohman. 2020. The Quiet Threat of Indonesia's Jamaah Ansharul Khilafah. *The Diplomat*. August 11.
6. Мельянцева В.А., Адрова И.С. Индонезия: основные параметры эффективности экономического и социального развития. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 5-14. DOI: 10.31857/S032150750014641-7
7. Meliantsev V.A., Adrova I.S. 2021. Indonesia: main parameters of economic and social development efficiency. *Asia and Africa today*. № 4. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014641-7
8. Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Медиа сеть как мультипликатор силы ИГИЛ. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2020. № 5. С. 142-152. DOI: 10.31857/S086919080011315-3
9. Vasiliev A.M., Zherlitsyna N.A. 2020. Media network as a multiplier of ISIS's power. *Vostok (Oriens)*. № 5. (In Russ.) DOI: 10.31857/S086919080011315-3
10. Mohamed Nawab Mohamed Osman, Arosoaie A. 2018. Jihad in the Bastion of «Moderation»: Understanding the Threat of ISIS in Malaysia. *Asian Security*. № 16 (1). Pp. 1-14. DOI: 10.1080/14799855.2018.1470508
11. Farish A.Noor. 2003. Blood, sweat and jihad: the radicalization of the political discourse of the Pan-Malaysian Islamic Party (PAS) from 1982 onwards. *Contemporary Southeast Asia*. Vol. 25. № 2. Pp. 200-232. DOI:10.1353/csa.2011.0060
12. Зарипов И.А. Исламские финансы Малайзии. *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 2. С. 41-46.
13. Zaripov I.A. 2017. Islamic finance of Malaysia. *Asia and Africa today*. № 2. (In Russ.)
14. Liow J.C. 2009. *Piety and Politics: Islamism in Contemporary Malaysia*. New York, Oxford university Press. 2263 p.
15. Kumar Ramakrishna. 2017. The Growth of ISIS Extremism in Southeast Asia: Its Ideological and Cognitive Features-and Possible Policy Responses. *New England Journal of Public Policy*. Vol. 29. № 1. Pp. 1- 22.
16. Maza C. 2017. Malaysia's reckoning with the Islamic State. *The Diplomat*. 3 September.
17. Andrin Raj. 2019. Challenges in counter terrorism and counter violent extremism in Malaysia. *Countering Insurgencies and Violent Extremism in South and South East Asia*. New York: Routledge.
18. Жерлицына Н.А. Перспективы распространения ИГИЛ после разгрома халифата. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 7. С. 13-18. DOI: 10.31857/S032150750010099-0
19. Zherlitsyna N.A. 2020. Prospects for the spread of ISIS after the defeat of the caliphate. *Asia and Africa today*. № 7. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750010099-0
20. Abuza Z. 2005. *Al Qaeda Comes to Southeast Asia. Terrorism and Violence in Southeast Asia: Transnational Challenges and Regional Stability*. New York: M.E. Sharpe.
21. Wright L. 2014. *The Looming Tower: Al Qaeda's Road to 9/11*. London, Penguin. 469 p.
22. Васильева Н.А., Мармита Ш. Особенности борьбы с терроризмом на Филиппинах. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 9. С. 18-24. DOI: 10.31857/S032150750006269-7
23. Vasilyeva N., Marmita S. 2019. Features of the fight against terrorism in the Philippines. *Asia and Africa today*. № 9. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750006269-7

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жерлицына Наталья Александровна кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр истории и культурной антропологии, Институт Африки РАН; Ученый секретарь Научного совета РАН по проблемам стран Африки, Москва, Россия.

Natalia A. Zherlitsyna, PhD (History), Senior Researcher, Center of History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (RAS); Academic Secretary, Africa Council of RAS, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
14.06.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
15.07.2021

Принята к публикации (Accepted)
02.09.2021